

От редакции

В серии «Библиотека журнала „Вопросы образования“» вышло очередное издание — перевод книги Майкла Кроу и Уильяма Дэбарса «Модель Нового американского университета»¹. Американские исследовательские университеты неизменно лидируют в международных рейтингах, однако их институциональная модель все более отстает от целей, которые встают перед высшим образованием сегодня. Майкл Кроу, заняв в 2002 г. пост президента Университета штата Аризона (ASU), предложил новую версию государственного исследовательского университета. В результате фундаментального концептуального обновления ASU превратился в мировой образовательный и интеллектуальный центр — наглядный прототип предлагаемой модели Нового американского университета. Ее особенности — высочайшее академическое качество в сочетании с широким доступом к образованию для всех слоев населения, а также максимальное участие в жизни общества.

В этой книге Майкл Кроу и историк образования Уильям Дэбарс описывают возникновение американских исследовательских университетов и обсуждают необходимость обновления модели, лежащей в их основе. Благодаря институциональным инновациям, утверждают они, университеты могут формировать свою неповторимую идентичность, которая позволит им реализовать их потенциал и создавать идеи, продукты и процессы, меняющие качество жизни и способствующие экономической устойчивости государства.

¹ Кроу М., Дэбарс У. (2017) Модель Нового американского университета. М.: Издат. дом ВШЭ (по изд.: Crow M.M., Dabars W. B. (2015) *Designing the New American University*. Baltimore, MD: John Hopkins University).

Предисловие к русскому изданию книги Майкла Кроу и Уильяма Дэбарса «Модель Нового американского университета»

Настоятельная потребность общества в широком доступе к образовательным платформам, содействующим производству знаний и инноваций, выдвинула высшее образование на первый план политических дискуссий по всему миру, о чем свидетельствует множество государственных инициатив по повышению качества образования и достижению академического превосходства. Одной из наиболее заметных из них является российский проект «5–100»: амбициозная попытка обновления и интернационализации ряда исследовательских университетов — внедрения в них стандартов исследовательского высшего образования, конкурентоспособного на глобальном уровне. Основной целью проекта «5–100» является обеспечение вхождения к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих университетов согласно мировому рейтингу. Ожидается, что каждый вуз — участник проекта разработает собственную стратегическую программу развития, будет стремиться максимизировать свое социальное воздействие и способствовать экономическому развитию, формируя инновационные кластеры между академическим сектором и научными подразделениями промышленных предприятий. Проект «5–100» содействует укреплению сотрудничества между вузами и частным сектором на национальном и международном уровне и способствует усилиям по координации исследовательской деятельности с Российской академией наук¹.

Как член международного Совета по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди мировых научно-образовательных центров я оцениваю усилия России по подъему национальной конкурентоспособности посредством укрепления избранных университетов как образцо-

¹ Alekseev O. (2014) First Steps of Russian Universities to Top-100 Global University Rankings // Higher Education in Russia and Beyond. Vol. 1. No 1. P. 6. http://herb.hse.ru/data/2014/05/30/1325398755/1HERB_01_Spring.pdf

вые. Возможно, политика России в данной сфере даже превосходит усилия других стран, о чем свидетельствует впечатляющий рост расходов и реализация мер по укреплению научно-исследовательского потенциала университетов в рамках более широкого курса на внедрение инноваций посредством интеграции высшего образования и промышленности. Как зафиксировано в положениях проекта «5–100», распределение финансирования на конкурентной основе призвано стимулировать инновации и повышать рейтинг университетов на международном уровне — эти принципы в чем-то созвучны программе стимулирования конкурентных отношений между американскими университетами после Второй мировой войны и возвещают об отходе от традиционной централизации исследовательской деятельности в Российской академии наук, сохраняющей свои господствующие позиции с советских времен.

Взяв курс на переход к рыночной экономике, российские руководители оценили потенциал, каким обладают университеты мирового класса для поддержания экономического роста. Так, проект по созданию Сколковского института науки и технологий (Сколтех), центрального звена инновационного центра «Сколково», осуществляемый совместно с Массачусетским технологическим институтом (MIT), курирует лично российский экс-президент, ныне премьер-министр Дмитрий Медведев. Проект «Сколково» привлек финансирование и укрепил партнерские отношения с такими известными международными корпорациями, как Siemens, Microsoft, Boeing, Intel, Johnson & Johnson, Cisco, IBM, и эти связи помогли ускорить интенсивное производство знаний совместно академическим сообществом и промышленностью для содействия инновациям и последующего экономического роста.

Масштабы проекта грандиозны, учитывая, что широко распространенные рейтинговые показатели напрямую угрожают структуре российского высшего образования. По некоторым оценкам, структурные барьеры включают: доминирование («концентрацию денег и талантов») Российской академии наук; ограниченность многих университетов узкой сферой исследований; относительную немногочисленность исследователей и экспертов на пике карьеры («недостаток специалистов средней возрастной группы») вследствие экономического спада 1990-х годов; директивность административной культуры (только «сверху вниз»), ограничивающую восходящие академические инициативы (никакого «снизу вверх»); добавим сюда недостаточное владение английским языком — всемирным языком академического общения, в том числе для подготовки публикаций².

² Usher A. (2015) Structural Barriers to Russian Success in Global University Rankings // Higher Education in Russia and Beyond. Vol. 2. No 4. P. 13–14.

Структурным изменениям, кроме этого, препятствуют вызовы, связанные с организационной перестройкой и формированием институциональной идентичности в рамках более ранних инициатив, нацеленных на достижение академического превосходства. В 2005 г. в соответствии с одной из таких инициатив был отобран ряд региональных вузов для объединения в категорию «федеральные университеты». Некоторые из них наряду с другими ведущими вузами в 2008–2011 гг. стремились попасть в категорию «национальные исследовательские университеты», сулившую как увеличение объемов федерального финансирования, так и ответственность за более всестороннюю интеграцию образовательной и исследовательской деятельности. Впоследствии многие из этих федеральных и национальных исследовательских университетов успешно подали заявки на участие в проекте «5–100» с целью достижения статуса ведущих вузов в международном масштабе.

В 2014 г. Александр Повалко, тогда заместитель министра образования и науки, заметил, что, хотя между участвующими в данном проекте вузами много серьезных различий, каждый из них сосредоточен на том, чтобы достичь лидерства в России и признания на международном уровне в какой-либо области науки³. Требуется также найти баланс между программами, ориентированными на фундаментальные исследования, и программами прикладной направленности, преодолеть недостаток мотивации к развитию мульти- и междисциплинарности⁴. Хотя отбор вузов в проект «5–100» был основан на показателях глобальной конкурентоспособности отдельных академических подразделений, усиление междисциплинарного подхода могло бы способствовать общему улучшению показателей, повышению позиций в международных рейтингах и привлечению иностранных студентов. Таким образом, инициативы правительства по выводу образования на уровень стандартов мирового класса побудили целый ряд вузов — тех, что академически слабее престижных МГУ и СПбГУ, но составляют неотъемлемую часть образовательной экосистемы, — предпринять шаги, направленные не только на расширение набора образовательных и исследовательских программ и повышение их качества, но и на оживление экономики регионов.

Соединенные Штаты и Россия столкнулись со сходными вызовами в обеспечении доступа к высшему образованию мирового класса для широких слоев населения. В 2010 г. в США

³ Povalko A. (2014) Push for the Top // Times Higher Education. December 5. <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2015/brics-and-emerging-economies/analysis/push-for-the-top>

⁴ Safullin M., Savelichev M., Smolnikova E. (2014) Higher Education Institutions on the Way towards Multidisciplinarity // Higher Education in Russia and Beyond. Vol. 1. No 1. P. 18–20. http://herb.hse.ru/data/2014/05/30/1325398755/1HERB_01_Spring.pdf

на 100 тыс. жителей приходилось 6673 студента, в России соотношение было почти таким же: 6599 студентов на 100 тыс. граждан⁵. При этом в США усиление спроса на высшее образование в исследовательских университетах происходит на фоне роста численности и неоднородности населения, а в России — на фоне сокращения численности населения. Однако для проекта «5–100» побочным эффектом сокращения численности населения и, как следствие, снижения численности абитуриентов стало укрепление глобальных позиций России как исследовательски сильной державы. И, несмотря на массу трудностей, российские университеты, судя по международным рейтингам, добиваются положительных результатов.

Успехи ведущих университетов мира часто приписывают их усилиям по воспроизведению модели американских исследовательских университетов. Но точное копирование этой модели, выполненное многими развивающимися странами, имеет очевидные недостатки. В США успешная реализация данной модели ограничена несоответствием между численностью потенциально способных студентов и высокими требованиями ведущих университетов. Многие университеты стали настолько селективными, что принимают лишь 5% абитуриентов. С моим коллегой Уильямом Дэбарсом в последующих главах мы описываем эту дилемму, связанную с ограничением доступа к высококачественному образованию в США, и предлагаем новую модель, по нашему мнению, более подходящую государственным исследовательским университетам: расширение доступа. Модель Нового американского университета является «американской» в том смысле, что возникла в ответ на потребности Соединенных Штатов, однако ее основополагающие компоненты актуальны для вузов и стран всего мира: академические платформы, развернутые к научным открытиям и производству знаний и связывающие образование с исследованиями; широкий доступ для студентов, представляющих самые разные демографические и социально-экономические группы; а также институциональная миссия, связанная с максимизацией воздействия вуза на общество и экономику.

*Майкл М. Кроу,
президент Университета
штата Аризона*

⁵ Carnoy M. et al. (2013) University Expansion in a Changing Global Economy: Triumph of the BRICs? Stanford: Stanford University. P. 37 (рус. пер.: Карной М., Лоялка П. К., Добрякова М. С., Доссани Р., Фруммин И. Д., Кунс К., Тилак Дж., Ванг Р. (2014) Массовое высшее образование. Триумф БРИК. М.: Изд. дом ВШЭ.

Почему эта книга будет интересна российскому читателю

Впервые я услышал об Университете штата Аризона от моих американских коллег из университетов Лиги плюща⁶. Говорили о нем с уважением, но с некоторым сомнением в допустимости такого нарушения конвенции, которое позволил себе Майкл Кроу. Дело в том, что за десятилетия, истекшие со времен знаменитого «калифорнийского мастер-плана»⁷, в США в основном утвердилась пирамидальная структура высшего образования (в том числе в государственном секторе): небольшая группа элитных исследовательских университетов занимает вершину, середину пирамиды составляют университеты, обеспечивающие высшее образование по массовым профессиям, и в основании находятся общественные колледжи, дающие, как правило, неполное высшее образование. Когда в 2002 г. Кроу, уйдя с высокой должности в Колумбийском университете, стал шестнадцатым президентом Университета штата Аризона в городе Феникс, этот вуз относился ко второй группе. В Аризоне в то время уже успешно функционировал первоклассный исследовательский университет в городе Тусон. Кроу не стал конкурировать с ним за ресурсы и престиж, переводя свой университет в разряд элитных исследовательских. Он предложил новую модель, в которой объединил особенности всех трех типов университета. Благодаря этой идее Университет штата Аризона прославился во всем мире и стал в 2016 г. самым инновационным университетом США по рейтингу журнала U. S. News & World Report.

Когда несколько лет назад мы обсуждали с Майклом, как возникла эта идея, он признался, что, переезжая в Аризону, подумывал о традиционном элитном исследовательском университете. Но для этого потребовалось бы отказаться от важнейших социальных и образовательных задач массового университета. Это

⁶ Лига плюща объединяет восемь наиболее престижных частных университетов США.

⁷ Программа структурных преобразований высшего образования в Калифорнии, разработанная К. Керром и утвержденная в 1960 г.

не поддержал бы штат. И тут родилась идея, которую можно назвать «многопрофильный и многоуровневый университет».

Почему эта книга может быть интересна российскому читателю? Прежде всего, это первая на русском языке книга, если угодно, о массовом американском университете — высшем учебном заведении, открывающем свои двери для широкого круга абитуриентов.

До сих пор в нашей переводной литературе об американском высшем образовании (в том числе в серии «Библиотека журнала «Вопросы образования»») больше внимания уделялось традиционным исследовательским университетам (типа Гарвардского университета и Массачусетского технологического института) или колледжам свободных искусств. Но полноценной работы об американском университете, ориентированном и на элитную, и на массовую аудиторию, об истории развития высшего образования в США в целом на русском языке пока не появлялось. Поскольку сегодня именно вузовская система США является глобально лидирующей, нам важно понимать все элементы картины американского высшего образования.

Кроме того, предлагаемая книга не о прошлом. Она о будущем. Ее основной автор претендует на то, чтобы не просто рассказать о своем опыте, но предложить новый институциональный дизайн для одной из самых больших и богатых в мире систем высшего образования. Сегодня, когда все сильные страны, включая Россию, озабочены новыми подходами к развитию высшего образования в условиях его небывалой массовости, книга о модели массового университета приобретает особую значимость. По сути, она проблематизирует целый ряд попыток по выстраиванию сегментов элитных исследовательских университетов в таких странах, как Германия, Китай, Россия.

Модель Кроу разбивает границы между элитным и массовым сегментами. Его модель — большой (это важно!), многокампусный, многопрофильный университет, работающий с самыми разными студентами, не только проводящий исследования, но и обеспечивающий подготовку по массовым прикладным профессиям, организующий инновационную деятельность, участвующий в программах социального развития территорий. В таких университетах нередко происходит гибридизация миссий и функций вузов традиционных типов, а также комбинация различных организационных форм, наиболее подходящих для достижения многообразия запланированных целей и результатов. Так, Университет штата Аризона является одним из крупнейших государственных вузов в США с численностью студентов около 72 тыс. человек (осень 2016 г.).

В последние годы в литературе по высшему образованию идет дискуссия о границах нашего понимания университета. Близкая к предлагаемой Кроу модели идея флагманского универ-

ситета, включенного в развитие локального сообщества, обсуждается в недавней книге под редакцией Дж. Дугласа из Университета Беркли⁸. С. Марджинсон из Университетского колледжа Лондона настаивает, что в условиях массовизации модель многопрофильного и многоуровневого университета будет доминирующей⁹. Фактически эта модель была опробована при создании федеральных университетов в России. Но попытки втолкнуть эти университеты в простые и привычные схемы и механизмы контроля привела не к обогащению, а к редукции модели. Может быть, эта книга поможет крупным российским университетам найти свою новую идентичность.

Некоторые составляющие опыта Университета штата Аризона представляют особый интерес как для широкого вузовского читателя, так и для управленцев и экспертов. К ним относятся и механизмы трансформации университета, и его включенность в региональную повестку, и принципы работы с неоднородным студенческим контингентом.

Наше высшее образование переживает период быстрых изменений. Вузам приходится реагировать на большое число трендов. Речь здесь идет не только о таких масштабных изменениях, затронувших все сферы жизни, как, например, глобализация и развитие информационных технологий, но и о тенденциях, свойственных именно высшему образованию, — о снижении прямой финансовой поддержки государства, внедрении квазирыночных механизмов, росте влияния рейтингов, внедрении модульного и проектного обучения. Книга Кроу и Дэбарса содержит прекрасный пример опыта трансформации. Она описывает университет, который активно развивается в эпоху глобальных и глубоких перемен, университет, который, будучи по своей природе консервативным, пытается изменить свой ген рутинности на ген инноваций и трансформации.

Связи с местным сообществом, со штатом Аризона, с Югом США — одна из основ модели, описанной в книге. Опыт построения этих связей — ценнейший материал для тех вузов в нашей стране (а их десятки), которые решают аналогичные задачи. Программа «Опорные вузы», приоритетный проект «Университеты как центр пространства создания инноваций» исходят из такого же вызова. И хотя решения, предлагаемые в книге, сильно погружены в американский контекст, они могут стать отправной точкой для размышлений академических сообществ наших региональных вузов.

⁸ Douglass J. (ed.) (2016) *The New Flagship University: Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy*. London: Palgrave Macmillan.

⁹ Marginson S. (2016) *The Dream Is Over: The Crisis of Clark Kerr's California Idea of Higher Education*. Berkeley, CA: University of California.

Многие российские университеты, в том числе ведущие, сталкиваются с вызовом академической неоднородности студенческого контингента. Эта проблема — одна из центральных в предлагаемой читателю книге. С одной стороны, как говорит Кроу, у него среди абитуриентов в абсолютных цифрах больше «школьных отличников», чем в Принстоне. С другой стороны, у него много и тех, кого называют «первым поколением в университете». Это — серьезный вызов, с которым не сталкиваются элитные университеты. Опыт Университета штата Аризона и в этой сфере может быть интересен для российского читателя.

В завершение этого короткого предисловия не могу не сказать, что Майкл Кроу — большой друг России и российского высшего образования. Каждый год, начиная с 2013 г., он прилетает к нам, активно работает в составе Международного совета программы «5–100», делится своим опытом. Десятки ученых и университетских управленцев побывали за последние годы в кампусе в Фениксе. Майкл с энтузиазмом отнесся к перспективе перевода этой книги и немало ему способствовал.

При этом мне немного жаль, что эта книга — не воспоминания Кроу, а, скорее, глубокое описание модели университета, содержащее серьезный исторический и политический анализ развития американского высшего образования. Если бы Кроу написал воспоминания, то это была бы увлекательнейшая биография человека, который трансформирует огромную компанию.

Мне посчастливилось бывать в этом университете, немало разговаривать с Майклом. Я пытался понять, в чем его секрет, в чем его особенность как руководителя. Возможно, этот секрет можно увидеть из одной практики, которую он использует в управлении: по всему университету развешаны несколько тезисов — миссия университета. Они кажутся очень банальными: «Демонстрировать лидерство в академических достижениях и доступности», «Добиться становления университета как ведущего глобального центра междисциплинарных исследований, открытий и разработок к 2025 г.» и «Усилить местное влияние и социальную интеграцию». Для меня, циничного постсоветского человека, выросшего с недоверием к любым лозунгам, эти плакаты выглядят довольно странно. Но, кажется, секрет Майкла Кроу и состоит в том, что он думает, как такие высокие слова реализовать в повседневной практике. Он является, с одной стороны, человеком невероятно амбициозным, а с другой — реалистом. Видимо, этому редко встречающемуся сочетанию Университет штата Аризона и обязан своим процветанием.

*И. Д. Фрумин,
научный руководитель
Института образования НИУ ВШЭ*